

Ричард
БАХ

МОСТ ЧЕРЕЗ ВЕЧНОСТЬ

Рихард
БАХ

МОСТ ЧЕРЕЗ ВЕЧНОСТЬ

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)
Б30

Перевод с английского под редакцией И. Старых

Б30 Бах Ричард
Мост через вечность / Перев. с англ. — М.: ООО
Издательство «София», 2011. — 384 с.

ISBN 978-5-91250-985-8

В этом томе избранных сочинений Ричарда Баха «София» предлагает вниманию читателей удивительную книгу «Мост через вечность», тесно связанную сюжетом с «Единственной».

Эта книга о поиске Великой Любви и смысла жизни и встречи с единственной.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)

The Bridge Across Forever by Richard Bach
© 1984 by Alternate Futures Inc.

Опубликовано с соглашения William Morrow,
an imprint of HarperCollins Publishers
Все права защищены

Оглавление

Оглавление	5
Один	11
Два	20
Три	28
Четыре	35
Пять	37
Шесть	47
Семь	54
Восемь	57
Девять	68
Десять	71
Одиннадцать	74
Двенадцать	80
Тринадцать	86
Четырнадцать	90
Пятнадцать	113
Шестнадцать	129
Семнадцать	130
Восемнадцать	140
Девятнадцать	144
Двадцать	152
Двадцать один	157
Двадцать два	164

Двадцать три	173
Двадцать четыре	185
Двадцать пять	188
Двадцать шесть.	196
Двадцать семь	205
Двадцать восемь	210
Двадцать девять	216
Тридцать.	219
Тридцать один	224
Тридцать два	230
Тридцать три	244
Тридцать четыре	267
Тридцать пять	268
Тридцать шесть.	272
Тридцать семь	278
Тридцать восемь	285
Тридцать девять	292
Сорок.	299
Сорок один	309
Сорок два	320
Сорок три.	324
Сорок четыре.	327
Сорок пять	331
Сорок шесть	344
Сорок семь	351
Сорок восемь.	367
Сорок девять	376

Порой нам кажется, что не осталось на земле ни одного дракона. Ни одного храброго рыцаря, ни единой принцессы, пробирающейся тайными лесными тропами, очаровывая своей улыбкой бабочек и оленей.

Нам кажется, что наш век отделяет от тех сказочных времен какая-то граница и в нем нет места приключениям. Судьба... эта дорога, простирающаяся за горизонт... призраки пронесли по ней в далеком прошлом и скрылись из вида...

Как замечательно, что это не так! Принцессы, рыцари, драконы, очарованность, тайны и приключения... они не просто рядом с нами, здесь и сейчас, — ничего другого и не было никогда на земле!

В наше время их облик, конечно, изменился. Драконы носят сегодня официальные костюмы, прячутся за масками инспекций и служб. Демоны общества с пронзительным криком бросаются на нас, стоит лишь нам поднять глаза от земли, стоит повернуть направо там, где нам было сказано идти налево. Внешний вид нынче стал так обманчив, что рыцарям и принцессам трудно узнать друг друга, трудно узнать даже самих себя.

Но в наших снах мы все еще встречаемся с Мастерами Реальности. Они напоминают нам, что мы никогда не теряли защиты против драконов, что синее пламя струится в нас, позволяя изменять наш мир, как мы захотим. Интуиция нашептывает истину: мы не пыль, мы — волшебство!

Это повесть о рыцаре, который умирал, и о принцессе, спасшей ему жизнь. Это история о красавице и чудовищах, о волшебных заклинаниях и крепостных стенах, о силах

смерти, которые нам только кажутся, и силах жизни, которые есть. Это рассказ об одном приключении, которое, я уверен, является самым важным в любом возрасте.

Фактически, в жизни все было почти так, как здесь описано. В нескольких местах я вольно обошелся с хронологией, некоторые персонажи составлены из ряда реальных людей, большинство имен выдуманы. Остальное я бы не смог придумать, даже если бы постарался, — реальность была настолько невероятной, что не укладывалась в рамки никакой выдумки.

Вы, как читатели, конечно, увидите, заглянув за писательскую маску, что заставило меня поместить эти слова на бумагу.

Но иногда, когда свет лучится точно как сейчас, писатель тоже может заглянуть за маску читателя. Может быть, в лучах этого света мы с вами встретимся где-нибудь на страницах этой книги, — я и моя любовь, вы — и ваша.

Один

Сегодня она будет здесь.

Я глянул из кабины вниз — сквозь ветер и мерцание пропеллера, сквозь полмили осеннего дня, — вниз на арендованное мною поле, на кубик сахара — вывеску «Полеты за три доллара», которую я привязал к открытым воротам.

Рядом со знаком дорога с обеих сторон была сплошь заставлена машинами. Их собралось штук, пожалуй, под шестьдесят. И, соответственно, толпа народу, прикатившего поглазеть на полеты. Она вполне могла уже быть там, подъехав несколько мгновений назад. Я улыбнулся. Вполне возможно!

Я сбросил газ до холостого хода, поднял нос Флита^{*} немного вверх, чтобы возросшее сопротивление заставило его потерять скорость.

Затем до отказа дал левую педаль и полностью взял ручку на себя.

Зеленая земля, созревшие хлеба и соя, фермы, луга, застывшие в полуденном безмолвии, — все вдруг перевернулось, слившись в размытый эффектным штопором вихрь. С земли это должно было выглядеть так, словно старая этажерка вдруг вышла из повиновения.

Нос самолета рванулся вниз, цветные штрихи смерча, в который вдруг превратился мир, все быстрее и быстрее вертелись вокруг моих летных очков.

Как долго тебя не было рядом со мной, мой дорогой друг — родная душа, моя милая, мудрая и таинственная прекрасная леди? — думал я. — Сегодня наконец-то обстоятельства сложатся так, что заставят тебя оказаться в городке Рассел, штат Айова, и, взяв за руку, приведут

* Флит (Fleet) — классический американский биплан 1920–30-х гг.

сюда, на стелющееся внизу поле скошенной люцерны. Ты подойдешь к краю толпы, не вполне осознавая зачем, с любопытством созерцая живой, ярко раскрашенный кусок истории, вертящийся в воздухе.

Взбрыкивая и глухо подвывая, биплан несся вниз. С каждой секундой вихрь становился круче, плотнее и громче. Еще виток... а теперь... стоп.

Ручка — вперед, жестким нажатием на правую педаль перекаладываем руль направления вправо. Размытые очертания делаются четче, скорость растет, один, два витка, после чего вращение прекращается, и вот мы уже мчимся в крутом пике.

Сегодня она должна здесь появиться, — думал я, — ведь она тоже одинока. Потому что она уже знает все, что хотела узнать самостоятельно. Потому что в мире есть лишь один-единственный человек, к встрече с которым ведет ее судьба, и этот человек в данный момент управляет этим вот самым аэропланом.

Резко выводим газ до нуля, выключаем двигатель, пропеллер застыл... Планируем, беззвучно скользя к земле, садимся с таким расчетом, чтобы замереть прямо напротив толпы.

Я узнаю ее, едва лишь увижу, — подумал я, — такой яркий образ, — сразу же узнаю.

Вокруг аэроплана теснились люди: мужчины, женщины, семьи с корзинами для пикника, дети на велосипедах. Разглядывают. Рядом с детьми — две собаки.

Отжавшись на руках, я выбрался из кабины и взглянул на людей. Они мне понравились. В следующий момент я с занятой отрешенностью уже как бы со стороны слушал свой собственный голос и в то же время взглядом пытался отыскать ее в толпе.

— *Рассел с высоты птичьего полета, люди! Уникальный шанс воспарить над полями Айовы! Последняя возможность перед тем, как выпадет снег! Вперед — туда, где обитают лишь птицы да ангелы...*

Кое-кто засмеялся и заплодировал — кому-нибудь другому, кто решится попробовать первым. Лица — неко-

торые с выражением глубокого недоверия и вопроса, некоторые — полные устремления и жажды приключений, были и хорошенькие — веселые и заинтересованные. Но того лица, которое я искал, не было нигде.

— А вы уверены, что это безопасно? — поинтересовалась женщина. — Судя по тому, что я видела, вы — не слишком осторожный пилот!

Покрытая загаром кожа, ясные карие глаза. Ей так хотелось, чтобы ее предположение оказалось справедливым.

— Безопаснее не бывает, мэ! Легкость пушинки! Флит в воздухе с двадцать четвертого декабря тысяча девятьсот двадцать восьмого года — еще на один полет его, пожалуй, хватит, прежде чем он разлетится на куски...

Она изумленно моргнула.

— Шучу, — сказал я. — Он будет летать даже спустя годы после того, как нас с вами не станет, уверяю вас!

— Кажется, я ждала достаточно долго, — сказала она, — мне всю жизнь хотелось покататься на одном из этих...

— Тогда вам должно понравиться.

Я провернул пропеллер, чтобы запустить двигатель, помог ей забраться в переднюю кабину и застегнуть ремень безопасности.

Невозможно, — думал я. — Она не здесь. Не здесь — не может быть!

Каждый день — уверенность, что сегодня — тот-самый-день, и каждый день — ошибка!

После первого полета было еще тридцать — до самого захода солнца. Я летал и болтал без устали, пока все не разошлись по домам, чтобы вместе поужинать и провести ночь. Я же остался один. Один.

Неужели она — плод моей фантазии? Молчание.

За минуту до того, как вода закипела, я вытащил котелок из огня, вытряхнул в него растворимый какао и размешал сухим стебельком. Нахмурившись, произнес, обращаясь к самому себе:

— Дурость какая — искать ее здесь.

Недельной давности булочку с корицей я наколол на хворостинку и поджарил над языками пламени. Да,

странствующий пилот на старом биплане — полет сквозь семидесятые годы двадцатого века. Вроде бы приключение. Раньше оно было приправлено множеством вопросительных знаков. Теперь же все стало таким же знакомым и безопасным, как фотографии в семейном альбоме. После сотога урагана я мог делать их с закрытыми глазами. А после того, как я в тысячный раз обшарил глазами толпу, у меня возникают сомнения: может ли родная душа явиться мне среди скошенных полей.

Денег достаточно. Катая пассажиров, мне вряд ли когда-нибудь придется голодать. Но я не узнаю ничего нового, я просто болтаюсь без толку.

В последний раз я по-настоящему учился два лета тому назад. Тогда я увидел сверху бело-золотистый биплан «Тревл Эйр», припаркованный среди полей. Приземлившись, я познакомился с его пилотом — Дональдом Шимодой, Мессией в отставке, экс-Спасителем Мира. Мы подружились, и в те последние месяцы его жизни он передал мне некоторые секреты своего странного призвания.

Дневник, который я тогда вел, превратился в книгу, я отослал ее издателю. Не так давно она вышла из печати. Большинство его уроков я усвоил хорошо, так что новые испытания попадались действительно крайне редко. Но вот решить проблему с родной душой не удавалось никак.

Где-то возле хвоста Флита послышался тихий шорох — крадущиеся шаги по сухой траве. Я повернул голову, прислушиваясь к этому звуку. Шорох стих. Потом появился опять, как если бы кто-то стал медленно подкрадываться ко мне.

Я напряженно вглядывался в темноту:

— Кто там?

Пантера? Леопард? Только не в Айове, их в Айове не встречали уже...

Еще один осторожный шаг по ночной траве. Как бы это ни был... *Лесной волк!*

Я бросился к ящику с инструментом, судорожно пытаюсь схватить нож, большой гаечный ключ, но было уже слишком

поздно. В это мгновение возле колеса самолета возникла черно-белая бандитская маска, изучающий взгляд ярко блестящих глазок, нос, с сопением приносящийся к запаху коробки с продуктами.

Не лесной волк.

— Эй... Привет, эй ты там... — сказал я. Я рассмеялся: так сильно колотилось сердце. Я сделал вид, что убираю ключ прочь.

Осиротевших крошек-енотов на Среднем Западе часто берут в дом и выращивают в домашних условиях. Когда им исполняется год, их отпускают на волю, но они на всю жизнь остаются домашними.

А что тут плохого? Разве нельзя шуршать себе по полю, в темноте на огонек заглянуть — а вдруг у того, кто разложил костер, найдется что-нибудь вкусенькое — погрызть, коротая ночь?

— Нормально... Давай, иди-ка сюда, приятель! Проголодался?

Хорошо бы чего-нибудь сладенького — кусочек шоколадки... можно зефира немного — все сойдет. Енот постоял немного на задних лапках, морща носик и изучая воздух в поисках запаха съестного. *Остатки зефира — если, конечно, ты сам на них не претендуешь — вполне сойдет.*

Я вытащил кулек из ящичка и высыпал кучку мягких шариков в сахарной пудре на подстилку.

— Вот так... иди сюда...

Мини-мишка шумно взялся за десерт. Отдавая должное зефиру, он с довольным чавканьем набил им полный рот.

От лепешки моего изготовления он отказался, едва надкусив ее, прикончил зефир, умял почти весь мой запас медовой воздушной пшеницы и вылакал мисочку воды, которую я ему налил. Немного посидел, глядя на огонь, фыркнул: пора двигаться дальше.

— Спасибо за то, что зашел в гости, — сказал я.

Исполненный важности взгляд черных бусин.

Благодарю за угощение. А ты вполне приличное человеческое существо. Ну ладно, до завтра, вечером увидимся. Лепешки у тебя — отвратительные.

И пушистое создание двинулось прочь. Полосатый хвост растворился в тенях, шорох шагов в траве слышен все слабее и слабее. И я остался наедине со своими мыслями и мечтой обрести даму сердца.

Каждый раз все неизменно возвращается к ней. Она не относится к сфере невозможного, — размышляя я, — и надежда на встречу с ней отнюдь не является чем-то чрезмерным!

Интересно, что сказал бы Дональд Шимода, сидя здесь, под крылом, сегодня, если бы узнал, что я до сих пор так и не нашел ее?

Что-нибудь само собой разумеющееся, это уж точно. Странное свойство всех его секретов — они были предельно просты.

А если бы я сообщил ему, что потерпел фиаско в поисках ее? Для вдохновения он покрутил бы в руках свою булочку с корицей, внимательно ее изучая, потом запустил бы пальцы в черную шевелюру и сказал:

— Послушай, Ричард, а тебе не приходило в голову, что летать с ветром от одного города к другому — верный способ не отыскать ее, но утратить?

Все так просто. А после бы он молча ждал моего ответа. Я ответил бы на это, если бы он был здесь, я бы сказал:

— О'кей. Полет за горизонт — не то. Я брошу это. Однако скажи, как мне ее найти?

Он бы прищурился, несколько расстроившись оттого, что я задал этот вопрос ему, а не самому себе:

— А ты счастлив? В данный конкретный миг — занимаешься ли ты тем, чем хотел бы заняться больше всего на свете?

Привычка заставила бы меня ответить, что да, разумеется, я распоряжаюсь своей жизнью в точности так, как мне нравится.

Холод нынешней ночи, и вопрос — тот же самый — с его стороны, и что-то изменилось. Занимаюсь ли я тем, чем больше всего хотел бы заняться?

— *Нет!*

— Вот это новость! — произнес бы Шимода. — Как по-моему, что бы это могло означать?

Я моргнул, прекратил воображать и вслух заговорил с собой:

— Ага, это значит, что ампула странствующего пилота себя исчерпало! И в данный момент я смотрю на огонь своего последнего костра, а тот парнишка из Рассела, с которым мы поднимались в воздух в сумерках, был последним моим пассажиром.

Я попытался еще раз вслух сформулировать:

— Со странствующим пилотом покончено.

Заторможенность безмолвного шока. И шквал вопросов. Новое качество неведения — некоторое время я пытался распробовать его, оценить неведомый привкус. Что делать? И что со мной будет?

После основательной определенности ремесла бродячего пилота меня захлестнуло удивительное наслаждение новизны, подобное прохладному буруну, вспенившемуся из неизведанных глубин. Я понятия не имел, что буду делать!

Говорят, что когда закрывается одна дверь, другая — открывается. Я ясно вижу захопнувшуюся за мной дверь с надписью «ЖИЗНЬ СТРАНСТВУЮЩЕГО ПИЛОТА». За ней остались ящики и корзины, полные приключений — тех, которые превратили меня из того, кем я был, в того, кто я есть. А теперь пришло время двигаться дальше. Ну и где же эта самая только что распахнувшаяся дверь?

Если бы я был просветленной душой, — подумал я, — что бы я сказал сейчас самому себе? Не Шимода, но просветленный я сам?

Прошло мгновение, и я уже знал, что было бы сказано:

— Посмотри-ка на то, что окружает тебя в данный момент, Ричард. *Что в этой картине не так?*

Я огляделся во тьме. С небом все было в порядке. Что может быть не так в небе, испещренном сверканием взрывающихся алмазами удаленных на тысячи световых лет звезд? А во мне — разглядывающем этот фейерверк из вполне безопасного места? А самолет — надежный и

верный Флит, готовый нести меня, куда бы я ни пожелал? Что не так в нем? Все так, все правильно.

А неправильно вот что: здесь нет ее! И я должен изменить ситуацию. И начну прямо сейчас!

Не торопись, Ричард, — подумал я. — И на этот раз измени своим правилам. Пожалуйста, не спеши! Пожалуйста, подумай сначала. Хорошенько подумай.

Продумать все до конца. Ибо во тьме скрыт еще один вопрос — вопрос, которого я никогда не задавал Дональду Шимоду и на который он не отвечал.

Почему обязательно случается так, что самые продвинутые из людей, те, чьи учения живут веками, пусть в несколько извращенной форме религий, почему эти люди непременно должны оставаться одиночками?

Почему мы никогда не встречаем лучащихся светом жен или мужей или чудесных людей, которые на равных делят с ними их приключения и их любовь? Те немногие, кем мы так восхищаемся, неизменно окружены учениками и любопытными, на них давят те, кто приходит за исцелением и светом. Но как часто мы встречаем рядом с кем-нибудь из них родственную душу, человека сильного, в славе своей равного им и разделяющего их любовь? Иногда? Изредка?

Я невольно сглотнул — в горле пересохло. Никогда.

Самые продвинутые из людей, — подумал я, — оказываются самыми одиночками!

Может быть, у совершенных нет родных душ потому, что они переросли все человеческие потребности?

Никакого ответа от голубой Веги, мерцающей в своей арфе из звезд.

Достижение совершенства в течение всего множества жизней — это не моя задача. Но эти люди — ведь им, вроде бы, предназначено указывать нам путь. Утверждал ли кто-либо из них: «Забудьте о родственных душах, родственных душ не существует?»

Неторопливо стрекочут сверчки: «Может быть, может быть».

Это стало каменной стеной, о которую разбились последние мгновения вечера.

— Если они это утверждают, — проворчал я, обращаясь к себе, — они заблуждаются.

Мне было интересно, согласится ли она со мной, где бы она ни была. Заблуждаются ли они, моя милая незнакомка? Она не ответила из своего неизвестно где... К тому времени, когда наутро крылья оттаяли от инея, чехол мотора, ящик с инструментом, коробка с продуктами и таганок были уже аккуратно уложены на переднем сиденье, запакованы и как следует закреплены. Остатки завтрака я оставил еноту.

Во сне ответ нашелся сам собой: Те просветленные и совершенные — они могут предполагать что угодно, но решения принимаю я сам. А я решил, что не собираюсь прожить жизнь в одиночестве.

Я натянул перчатки, провернул пропеллер, в последний раз запустил двигатель и устроился в кабине.

Что бы я сделал, если бы увидел ее сейчас идущей по скошенной траве? Дурацкий импульс, странный холодок в затылке, я осмотрелся. Поле было пустым.

Флит взревел на взлете, повернул на восток и приземлился в аэропорту Кэнкэки, штат Иллинойс. В тот же день я продал аэроплан за одиннадцать тысяч долларов наличными и упаковал деньги в свой сверток с постельными принадлежностями.

Последние долгие минуты наедине с моим бипланом. Я поблагодарил и попрощался, дотронулся до пропеллера и, не оборачиваясь, быстро покинул ангар.

Приземлился, богатый и бездомный. Я ступил на улицы планеты, населенной четырьмя миллиардами пятьюстами миллионами душ, и с этого момента с головой погрузился в поиски той единственной женщины, которая, согласно мнению лучших из когда-либо живших людей, не могла существовать в природе.

Тридцать один

Прошел час, за окном ничего не изменилось. Зачем я пытаюсь себя обмануть? — подумал я. Ведь она права, и я знаю, что она права, даже если я никогда этого не признаю, даже если никогда о ней больше не вспомню.

Ее рассказ о симфонии и шахматах... почему я этого не увидел? Я всегда был так чертовски умен, кроме разве что истории с налогами, всегда был проницательнее кого бы то ни было; как же ей удается видеть то, что не вижу я? Или я не такой совершенный, как она? Ну, хорошо, если она такая умная, где же ее система, ее защита, спасающая от боли?

Я ищущую Соверш...

К *ЧЕРТУ* твою Совершенную Женщину! Она — выдуманная тобой, утыканная поддельными перьями всевозможных цветов курица весом с полтонны, которой никогда не взлететь! Все, что она может, — это бегать туда-сюда, хлопать крыльями и пронзительно кудахтать, но никогда, никогда она не сможет оторваться от земли, никогда не сможет запеть. Ты, которого бросает в ужас при одной мысли о свадьбе, знаешь ли ты, что женат на *этом* чучеле?

Передо мной предстала картина: маленький я рядом с курицей на свадебной фотографии. Так оно и есть! Я обвенчался с идеей, которая оказалась неверной.

Но ограничение моей свободы! Если я останусь с Лесли, меня одолеет скука!

С этого момента я разделился пополам: на того меня, который был до сих пор, и другого, нового, который пришел его уничтожить.

— Меньше всего тебе стоит беспокоиться по поводу скуки, ты, сукин сын, — сказал вновь пришедший. — Ты что, не видишь, что она умнее тебя? Ей ведомы миры,

которых ты даже коснуться боишься. Давай, заткни мой рот кляпом и отгородись от меня стеной, ты же всегда так поступаешь с любой частью себя, которая осмеливается сказать, что твои всемогущие теории неверны! Ты свободен это сделать, Ричард. И ты свободен провести остаток своей жизни в поверхностных привет-как-дела? с женщинами, которые так же боятся близости, как и ты. Подобное притягивает подобное, приятель. Если у тебя не найдется крупинки здравого смысла, чтобы вознести молитву за то, что тебе досталась эта жизнь, ты будешь таскаться со своей вымышленной близкой и перепуганной Совершенной Женщиной, пока не умрешь от одиночества.

Ты жесток и холоден как лед. Ты носишься со своей дурацкой шахматной доской и своим дурацким небом; ты загубил великолепную возможность, выстроив эту свою идиотскую империю; и теперь от нее осталась лишь куча осколков, на которые государство — на все это *государство* наложило свою лапу!

Лесли Пэрриш была возможностью в тысячу раз более чудесной, чем любая империя, но ты до смерти испугался ее потому, что она умнее, чем ты когда-либо был или будешь; и теперь ты намерен вышвырнуть из своей жизни и ее.

Или это она вышвыривает из своей жизни тебя? Она не пострадает от этого, приятель, потому что она не проиграла. Ей будет грустно, она немного поплачет, потому что она не боится плакать, когда умирает что-то, что могло бы стать прекрасным, но она все это переживет и станет выше всего этого.

Ты тоже все это переживешь, не пройдет и полутора минут. Лишь захлопни поплотнее свои чертовы стальные двери и никогда больше о ней не вспоминай. Вместо того чтобы стать выше, ты покатишься вниз, и очень скоро твои подсознательные попытки совершить самоубийство увенчаются блестящим успехом. Тогда наступит жалкое пробуждение, и ты поймешь, что в твоих руках была жизнь из огня и серебра, искрящаяся сиянием бриллиантов, а ты взял грязную кувалду и разнес ее вдребезги. Перед тобой самый важный в твоей жизни выбор, и ты это знаешь.

Я попытался повернуть голову на подушке, изменить положение тела, но вдруг понял, что не могу этого сделать, потому что она лежала внизу на кровати — а я парил в воздухе, лежа на спине на высоте трех футов над кроватью.

Бодрствующее сознание, как днем. Парение. Комната была по всему объему заполнена серебристо-серым светом. Я бы сказал, что это было лунное сияние, но луны не было видно. Вот стены, стойка стереоаппаратуры; вот кровать, книги, сложенные аккуратно с ее стороны и сваленные в кучу с моей. А там сият наши тела!

Всплеск чистого удивления озарил меня, подобно голубому свету в ночной тьме, а потом я испытал порыв радости. Там внизу было мое тело; эта странная вещь на кровати была мной, который глубоко спал с закрытыми глазами! Не совсем мной, конечно... Я был тем, кто смотрел вниз.

Все, о чем я думал в эту первую ночь, было как бы подчеркнуто и заканчивалось восклицательным знаком!

Получается! это так просто. Это... свобода! УРРРА!

Книги говорили правду. Достаточно мне было только подумать о перемещении, и я поплыл, скользя по воздуху, как санки по льду. Я не мог с уверенностью сказать, что не обладал телом, но в то же время я был и без него. У меня было ощущение тела — неопределенного, расплывчатого, как у призрака. После всех наших безуспешных целенаправленных занятий как это могло оказаться таким простым? И при полном сознании. По сравнению с этим ярким, пронизательным, острым, как бритва, восприятием жизни обычное бодрствующее сознание казалось сомнамбулизмом!

Я повернулся в воздухе и взглянул вниз. Тончайшая нить сияющего света тянулась от меня к моему спящему телу. Это та связь, о которой мы читали, та серебряная струна, которая соединяет живую душу с телом. Они утверждают, что достаточно разорвать эту струну — и ты распрощаешься с земной жизнью.

В этот момент струящаяся аура забрезжила позади меня, замедлила полет, покружилась над лежащей на кро-

вати Лесли и вошла в ее тело. Через секунду она зашевелилась и перевернулась под одеялом. Ее рука прикоснулась к моему плечу. Я почувствовал, будто меня куда-то втягивает: я низвергнулся вниз и проснулся от прикосновения.

Мои глаза мгновенно открылись в комнате, в которой было темно, как в полночь. Вокруг царил такая тьма, что не имело значения, открыты или закрыты глаза. Я потянулся к выключателю лампы у изголовья. Сердце громко стучало.

— Вуки! — сказал я. — Милая, ты не спишь?

— М-м-м. Я здесь. Что случилось?

— Ничего не случилось! — спокойно произнес я. — Работает! У нас получилось!

— Что получилось?

— Мы выходили из тел!

— О, Ричи, неужели? Я не помню...

— Не помнишь? Что последнее ты помнишь до того, как я тебя разбудил?

Она отвела золотистые волосы от своих глаз и сонно улыбнулась.

— Я летала. Чудный сон. Летала над полями...

— Значит, это верно! Мы помним наши ночные выходы из тела как полеты во сне!

— Откуда ты знаешь, что я выходила из тела?

— Я видел тебя!

Это ее окончательно пробудило. Я рассказал ей все, что произошло, все, что я видел.

— Но слово «видел» не может описать восприятие вне тела, вук. Это не более *видение*, чем *знание*. Знание всех деталей, которые более отчетливы, чем видимое глазами. — Я выключил свет. — В комнате так же темно, как и сейчас, но я могу видеть все. Стерео, полки, кровать, тебя и себя... — В темноте разговор о *видении* был очень впечатляющим.

Она включила свой свет, села на кровати и нахмурилась.

— Я ничего не помню!

— Ты подлетела ко мне как радужный НЛО, зависла в воздухе и как бы влилась в свое тело. Затем ты зашевелилась и коснулась меня. Раз! И я сразу же проснулся. Если

бы ты не разбудила меня в этот момент, я бы ничего не запомнил.

Прошел еще месяц, прежде чем это случилось вновь, и на этот раз все было почти наоборот. Она ждала до утра, чтобы рассказать мне.

— Со мной случилось то же, что и с тобой, вук! Я чувствовала себя как облачко в небе, легкой, как воздух. И счастливой! Я обернулась, посмотрела вниз на кровать, а там спали мы с тобой и *Амбер*, наша дорогая маленькая кошечка Амбер, свернувшаяся калачиком у меня на плече, как она обычно спит! Я сказала: «Амбер!» — и она подняла глазки и посмотрела на меня как ни в чем не бывало. Затем она встала и пошла мне навстречу, и на этом все кончилось — я проснулась в постели.

— Ты чувствовала необходимость оставаться в комнате?

— Нет, что ты! Я могла отправиться куда угодно в этой вселенной, куда только мне захотелось бы, и могла увидеть любого другого человека. Это было так, будто у меня волшебное тело...

Электрокамин тихо потрескивал в комнате.

— Мы сможем сделать это! — воскликнула она, взволнованная как я в тот раз. — Мы уже умеем!

— Через месяц, — сказал я, — мы наверное сможем еще раз выйти из тела!

Но это случилось в следующую ночь.

На этот раз я проснулся над кроватью, сидя в воздухе, и мое внимание сразу же было привлечено к парящему светящемуся облачку, которое очаровательно сияло серебряно-золотистым цветом лишь в двух футах от меня. Это была совершенная живая любовь.

О, моя любовь! — подумал я. Лесли, которую я видел раньше глазами, — это меньше чем самая крохотная частичка той сущности, которой она в действительности является! Она — тело в теле, жизнь внутри жизни; развертывающаяся, распускающаяся, расстилающаяся... узнаю ли ее когда-нибудь всю?